

Представления Сенеки о храбрости

С. С. Демина

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

Вопрос о храбрости не является в произведениях Сенеки центральным. Этот римский автор затрагивает его, размышляя о страхе и гневе. Сенека дает три определения храбрости (*fortitudo*). В них он раскрывает ее сущность как добродетели (*virtus*) и ее значение для человека. По мнению Сенеки, храбрость не является тождеством абсолютного бесстрашия и безрассудных поступков, но она основана на разумной осторожности. Обычно страх ведет к бегству от опасностей. Иногда страх и гнев способны немного поднять дух, но они не могут вызвать добродетель, то есть привести к храбрым поступкам. Вопрос о пользе гнева, его способности порождать храбрость на поле боя представляется Сенеке очень важным. Согласно перипатетикам, гнев усиливает храбрость во время сражения, поэтому он полезен. Сенека категорически не согласен с этим мнением. В подтверждение своей точки зрения он приводит несколько аргументов. По мнению Сенеки, храбрость не только приносит победу на поле боя, но и обеспечивает самому храбренцу всеобщее уважение, а также внутреннюю свободу, самоуважение и счастье.

Ключевые слова: *Древний Рим, Сенека, храбрость (fortitudo), страх, гнев.*

Храбрость, как известно, была одним тех качеств, которыми, как считали древние римляне, должны были обладать как рядовые воины, так и полководцы [Телепень, 2011, с. 16; Махлаюк, 2013, с. 27—38; Васильев, 2018, с. 32, 34]. Рассуждая о различных добродетелях, античные авторы уделили внимание в том числе и этому качеству. Одним из них был Луций Анней Сенека Младший (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.). В теоретических произведениях и «Нравственных письмах к Луцилию» он неоднократно обращался к характеристике храбрости. Анализ его представлений о ней является весьма важным, поскольку он позволит расширить научное знание не только о творческом наследии самого Сенеки, но и о тех духовных ценностях древних римлян, которые относились к военно-политической сфере.

Современные специалисты по истории Древнего Рима активно изучают понятие храбрости на материале различных исторических источников. Они отмечают, что в сознании римлян храбрость (*fortitudo*) являлась неотъемлемой частью доблести (*virtus*) [Махлаюк, 2000, с. 157, 208; Coulston, 2013, р. 14]. А. В. Махлаюк также указывает на рационалистический характер римского понимания храбрости, которая «противопоставляется безумию, одержимости, дерзости и легкомыслию» [Махлаюк, 2000, с. 158]. Уделено некоторое вни-

мание и вопросу о том, какой смысл в понятие, обозначавшееся термином «*fortitudo*», вкладывал Цицерон [см.: Wallace-Hadrill, 1981, s. 302; Махлаюк, 2000, с. 129; Демина, 2014, с. 31—34].

Представления Сенеки о храбрости предметом отдельного исследования пока не были, однако в научных публикациях затрагивались некоторые вопросы, близкие к этой теме. Так, одни специалисты отмечают, что, по мнению этого римского автора, благодеяния, которые люди оказывают друг другу, способствуют установлению товарищеских связей, помогающих в старости и в печали, придающих человеку храбрости в противостоянии несчастьям [Motto, Clark, 1994, р. 44]. Другие исследователи, изучая представления Сенеки о гневе, констатируют тот факт, что, с его точки зрения, гнев как фактор, мотивирующий поведение, не приносит никакой пользы на войне [Inwood, 2000, р. 59; van Hoof, 2007, р. 65—66], он создает лишь видимость храбрости, скрывая в реальности трусость [Rajón Leuga, 2018, р. 19, 23]. Однако аргументации этого римского автора, объясняющей эти его идеи, в науке уделено довольно скромное внимание.

Таким образом, можно констатировать наличие в науке интереса к римским представлениям о храбрости и к отношению Сенеки к проявлению гнева в условиях ведения войны, однако вопрос о том, как он понимал сущность храбрости, деталь-

но не изучался, что и обусловило необходимость обратиться к нему в данной работе.

К определению храбрости (*fortitudo*) Сенека обращается неоднократно. В сочинении «О благодеяниях» он пишет: «Храбрость является добродетелью, презирующей обоснованные опасности, или умением отвратить опасности, подвергнуть себя [им], бросить [им] вызов» («*Fortitudo est virtus pericula iusta contemnens aut scientia periculorum repellendorum, excipiendorum, provocandorum*»)¹. Еще два определения Сенека дает в «Нравственных письмах к Луцилию»: «Ибо это не опрометчивый поступок, не любовь к опасностям, не стремление к [чему-то] страшному; [но это] умение строго различать, что является бедой, а что не является» («*Non est enim inconsulta temeritas nec periculorum amor nec formidabilium adpetitio: scientia est distinguendi, quid sit malum et quid non sit*»)²; «Что такое храбрость? Неприступное укрепление человеческой слабости; кто себя им окружил, пребывает безопасным в этой осаде жизни, ибо пользуется своими силами, своим оружием» («*Quid est fortitudo? munimentum humanae inbecillitatis inexpugnabile, quod qui circumdedit sibi, securus in hac vitae obsidione perdurat. utitur enim suis viribus, suis telis*»)³. В этих определениях Сенека рассматривает храбрость под несколько разными углами зрения. В первом, которое он дает в трактате «О благодеяниях»⁴, раскрывается суть храбрости как добродетели через ее отношение к опасностям. Второе определение⁵ уточняет, поясняет первое путем введения в него понятия беды, являющегося важным для учения стоиков. Сенека трактует его такими словами: «Бедой — это то, что вредит. Что вредит, то ухудшает» («*Quod malum est nocet. quod nocet, deteriorem facit*»)⁶. Однако это второе определение нельзя считать ориентированным лишь на тех интеллектуалов, современников Сенеки, которые, поддерживая идеи стоицизма, размышляли о добре и зле, но, скорее, на широкий круг читателей I в. н. э., поскольку в первой его части автор «Нравственных писем» противопоставляет храбрости необдуманность поступков и стремление к риску, о чем подробнее будет сказано ниже. Наконец, третье определение⁷ раскрывает не столько суть храбрости, сколько ее значение для человека.

Вопрос о храбрости, ее сути, проявлении и значении, не является в произведениях Сенеки цен-

тральным. Этот римский автор обращается к нему, размышляя о таких страстях⁸, как страх и гнев.

Характеризуя храбрость как презрительное отношение к опасностям, Сенека в то же время отмечает, что полное отсутствие страха перед бедствиями «свойственно глупому и безумному» человеку («*stulti et amentis est*»)⁹. Но не только глупцов и безумцев, но и гладиаторов и рабов нельзя считать храбрыми, ибо их действия не являются результатом самостоятельно принятого, хорошо обдуманного решения¹⁰. Храбрость для Сенеки — это проявление не безрассудства, а разумной осторожности (*cautio*)¹¹. Однако быть осторожным вовсе не означает быть нерешительным. Когда речь идет о защите родины, законов, свободы, необходимо, презируя опасности, идти им навстречу без колебаний¹². Храбрец «единственным бедствием считает лишь позор» («*unam tantum turpitudinem malum iudicat*»)¹³. Его не пугают смерть, оковы, огонь, побои, бедность, болезни, ибо это — не беды, а «страхи человеческой жизни» (*humanae vitae formidines*), «безумные страхи» (*lymphatici metus*), свойственные человеку боязливому (*timidus*), т. е. глупцу (*stultus*)¹⁴, не отличающему истинные бедствия от мнимых. По мнению Сенеки, страх обычно ведет к бегству (*fuga*) от опасностей¹⁵. Хотя наряду с гневом, опьянением и «другими такого же рода отвратительными и преходящими побуждениями» («*aliaque eiusmodi foeda et caduca irritamenta*») страх способен немного поднять дух, однако он не в состоянии вызвать добродетель¹⁶, т. е. не может привести к храбым поступкам.

Вопрос о том, способен ли гнев порождать храбрость на поле боя, а значит, приносить пользу отдельному человеку и государству, Сенеке представляется крайне важным. Это связано с тем, что, анализируя сущность гнева, его проявления в мирных условиях и на войне, античные мыслители различных философских школ активно обсуждали и проблему его пользы. Так, к примеру, перипатетики утверждали, что в сражении гнев усиливает храбрость, поэтому он необходим; его не следует полностью искоренять, а необходимо удерживать

⁸ Под страстями (*adfectus*) Сенека понимает «душевные волнения, не заслуживающие одобрения, внезапные и сильные» («*motus animi inprobabiles, subiti et concitati*»: *Ibid.* LXXV. 12).

⁹ *Ibid.* LXXXV. 25.

¹⁰ *Sen. De benef.* II. 34. 3.

¹¹ См.: *Sen. Epist.* LXVI. 50, LXXIV. 21, LXXXV. 26.

¹² *Ibid.* LXXXV. 16.

¹³ *Ibid.* LXXXV. 25.

¹⁴ *Ibid.* LXXXV. 26—27; *De benef.* IV. 27. 1.

¹⁵ *Sen. De ira.* II. 3. 5.

¹⁶ *Ibid.* I. 13. 4.

¹ *Sen. De benef.* II. 34. 3.

² *Sen. Epist.* LXXXV. 28.

³ *Ibid.* CXIII. 27.

⁴ *Sen. De benef.* II. 34. 3.

⁵ *Sen. Epist.* LXXXV. 28.

⁶ *Ibid.* 30.

⁷ *Ibid.* CXIII. 27.

в определенных границах¹. Римский мыслитель, оратор и общественный деятель I в. до н. э. Цицерон выступил против такой точки зрения [см.: Демина, 2015, с. 16—17]. Сенека, считая гнев (*ira*) наиболее сильной страстью (*adfectus*), занимающей в мире чувств доминирующее положение², также не мог оставить этот вопрос без внимания. Свою позицию по этому поводу он изложил в сочинении «О гневе», полемизируя с Аристотелем и его сторонниками.

Сенека полагает, что гнев не способен породить храбрость у сражающегося воина и не может принести людям пользу ни на войне, ни в мирных условиях. В подтверждение своей точки зрения он приводит несколько аргументов. Во-первых, добродетель (*virtus*) самодостаточна и не нуждается в помощи порока (*vitium*)³. Храбрость, как уже отмечалось выше, является, по мнению Сенеки, добродетелью. Гнев, который представляет собой желание отомстить⁴, он называет не только чувством (*adfectus*), но и пороком (*vitium*)⁵. Гнев, как и опьянение или страх, может лишь немного поднять вялый (*segnis*) и трусливый (*ignavus*) дух, но не способен труса сделать храбрым⁶. Он не помогает добродетели проявиться, а пытается подменить ее собой⁷. Во-вторых, хотя гнев есть жажда мести, для самого отмщения он не пригоден (*inhabilis*). Из-за присущих ему пылкости, безрассудности и спешки гнев скорее вредит, чем способствует его осуществлению в условиях мира или войны⁸. Необходимо заметить, что сам Сенека относится к мести крайне негативно, но при этом он отмечает, что в общественном сознании она считается справедливым деянием⁹. Он пишет, что, если человек и решается на месть, то ему следует действовать без гнева (*sine ira*)¹⁰, хотя «великому духу свойственно обиды презирать» (*«magni animi est iniurias despicerere»*)¹¹. В бою же именно проявление гнева приводило варварские народы к поражению¹², в то время как дисциплина (*disciplina*) и разум (*ratio*) обеспечили бы им победу¹³. В-третьих, как утверждает Сенека, для храбрости нужен не

гнев, а разум. Гнев, не подвластный разуму (*ratio*), далекий от благоразумия (*sanitas*)¹⁴, ветреный (*ventosa*), пустой (*inanis*)¹⁵, на войне заставляет человека совершать опрометчивые поступки и забыть о том, что необходимо остерегаться опасностей¹⁶. Добродетель же ведет к хорошо обдуманному решению и осторожному поведению в бою¹⁷. Именно разум без гнева, как пишет Сенека, позволяет охотнику смело противостоять приближающемуся дикому зверю и преследовать убегающего¹⁸. Таким же образом следует себя вести и на войне. Разум дает человеку возможность достойно преодолеть все страхи и опасности, поэтому его нужно любить¹⁹. Наконец, в-четвертых, если гнев позволяет разуму себя удерживать в определенных границах, контролировать силу своего проявления, то это уже не гнев, а нечто другое, поскольку гнев, по мнению этого римского мыслителя, является необузданным (*effrenata*), безудержным (*indomita*), не способным подчиняться разуму из-за присущего ему упрямства (*contumacia*)²⁰.

Таким образом, Сенека, как ранее и Цицерон, полностью отрицал пользу гнева для храбрости. Аргументация этих двух римских мыслителей имеет много общего. Цицерон также писал, что храбрость не нуждается в помощи гнева, поскольку, будучи добродетелью, она самодостаточна благодаря разуму, гнев же разуму сопротивляется [Демина, 2014, с. 32; Демина, 2015, с. 15, 17]. Такое сходство взглядов едва ли можно объяснить влиянием идей Цицерона на мировоззрение Сенеки, так как представления самого Цицерона об эмоциях сформировались под сильным воздействием учения стоиков²¹, последователем которого, как известно, был Сенека. Можно предположить, что Сенека не просто обобщил, но развил и углубил существовавшее еще до него и распространенное среди стоиков и тех, кто, как Цицерон, поддерживал их взгляды частично, обоснование идеи о несовместимости храбрости и гнева.

Размышляя о храбрости, общественном отношении к ней и ее значении для человека, Сенека указывает, что она, наравне с такими добродетелями, как справедливость (*iustitia*), благочестие (*pietas*), верность (*fides*), благоразумие (*prudencia*), вызывает у окружающих уважение²². Такого почтительного

¹ Cic. Tusc. disp. IV. 43; Sen. De ira. I. 7. 1, 9. 2; III. 3. 1. 5.

² Sen. De ira. II. 36. 6.

³ Ibid. I. 9. 1.

⁴ Ibid. I. 1. 1, 3. 2; II. 3. 4—5.

⁵ Ibid. III. 1. 3—5, 2. 2.

⁶ Ibid. I. 13. 4—5.

⁷ Ibid. I. 13. 5.

⁸ Ibid. I. 12. 5.

⁹ Ibid. II. 32. 1.

¹⁰ Ibid. II. 33. 1.

¹¹ Ibid. II. 32. 3.

¹² Ibid. I. 11. 1, 3.

¹³ Ibid. I. 11. 4.

¹⁴ Ibid. II. 3. 4; III. 1. 5.

¹⁵ Ibid. I. 20. 2.

¹⁶ Ibid. I. 11. 8.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. I. 11. 2.

¹⁹ Sen. Epist. LXXIV. 21.

²⁰ Sen. De ira. I. 9. 2—3.

²¹ См., напр.: Cic. Tusc. disp. IV. 11, 47—48.

²² Sen. Epist. XCII. 19.

отношения, на его взгляд, заслуживают не только сограждане, но и храбрецы из числа врагов¹. Кроме того, отсутствие страха перед смертью, людьми и богами, дополняемое отсутствием желаний чего-либо постыдного (*turpia*) или чрезмерного (*nimia*), дает человеку власть над самим собой, полную внутреннюю свободу (*absoluta libertas*), что является для него бесценным благом (*inaestimabile bonum*)². По мнению Сенеки, храбрость, позволяющая противостоять случайностям (*fortuita*) и всяким превратностям (*omnes casus*), приносит счастье, ибо «никакое живое существо не является счастливым без храбрости» («*nullum animal felix esse sine fortitudine*»)³. Человек становится блаженным (*beatus*) и «себя больше любит» («*se maxime amat*»), если он, выполняя свой долг, держался храбро в тех ситуациях, когда остальные проявили бы страх⁴.

Как видим, Сенека отмечает важное значение храбрости как на межличностном уровне, так и на индивидуальном. На межличностном она приносит человеку всеобщее уважение, а на индивидуальном — внутреннюю свободу, самоуважение, счастье.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Вопросы о сущности храбрости, ее прояв-

¹ Sen. De ira. III. 28. 6.

² Sen. Epist. LXXV. 17—18.

³ Ibid. CXIII. 27.

⁴ Ibid. LXXI. 28.

лении на поле боя и значении для человека рассматриваются Сенекой в контексте проблематики, связанной с осмыслением чувства страха и гнева и таких ключевых этических понятий, как добро и зло, добродетель и порок. Понятие храбрости выполняет в его произведениях две функции: во-первых, оно является связующим звеном между его рассуждениями о страстях и о базовых для стоического учения понятиях; во-вторых, оно используется Сенекой как конкретный пример, позволяющий ему объяснить читателю в более доступной форме свое понимание сути добродетели и той роли, которую в ее проявлении играет разум.

Храбрость, с точки зрения Сенеки, является не тождеством абсолютного бесстрашия и безрассудных поступков, но основанной на презрительном отношении к опасностям разумной осторожностью. Будучи добродетелью, она не ищет опоры в пороке, поэтому храбрость и гнев не совместимы. Если проявление гнева с присущими ему безрассудством и упрямством способно привести на поле боя лишь к поражению, то ведомая разумом храбрость приносит важную для армии, государства и общества победу, а самому храбренцу обеспечивает не только всеобщее уважение, но и внутреннюю свободу, самоуважение и счастье, в чем, по мнению Сенеки, и заключается значение храбрости как добродетели.

Список литературы

1. Васильев, А. В. Модели поведения римского полководца на поле боя в республиканскую эпоху: соотношение личного выбора и коллективных ожиданий / А. В. Васильев // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. Вып. 18.2. С. 28—40.
2. Демина, С. С. Представления Цицерона о храбрости / С. С. Демина // Гуманитарные науки в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (10.02.2014). Москва : Спутник+, 2014. С. 31—34.
3. Демина, С. С. Гнев и политико-правовая жизнь римского общества в представлениях Цицерона / С. С. Демина // Историческая психология государственного управления / под ред. А. А. Конопленко. Вып. 2. Саратов : ЦПЭИ СНЦ РАН : Амирит, 2015. С. 14—20.
4. Махлаюк, А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А. В. Махлаюк. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2000. 235 с.
5. Махлаюк, А. В. Римский полководец в бою: образы, дискурсы и прагматика военного лидерства (II) / А. В. Махлаюк // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 27—38.
6. Телепень, С. В. Полководец и его войско: военное лидерство в Древнем Риме (поздняя Республика — ранняя Империя) / С. В. Телепень // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2011. № 9. С. 12—17.
7. Coulston, J. Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army / J. Coulston // War in History. 2013. Vol. 20. № 1. P. 7—31.
8. Inwood, B. The Will in Seneca the Younger / B. Inwood // Classical Philology. 2000. Vol. 95. № 1. P. 44—60.
9. Motto, A. L. Seneca on the vir ingratus / A. L. Motto, J. R. Clark // Acta Classica. 1994. Vol. 37. P. 41—48.

10. Pajón Leyra, I. Irracionalidad, barbarie y violencia en el De ira de Séneca: una lectura política / I. Pajón Leyra // *Anales del Seminario de Historia de la Filosofía*. 2018. № 35 (1). P. 11—25.
11. Van Hoof, L. Strategic Differences: Seneca and Plutarch on Controlling Anger / L. van Hoof // *Mnemosyne. Fourth Series*. 2007. Vol. 60. Fasc. 1. P. 59—86.
12. Wallace-Hadrill, A. The Emperor and His Virtues / A. Wallace-Hadrill // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1981. Bd. 30. H. 3. S. 298—323.

Сведение об авторе

Демина Светлана Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия. *ist-drev@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 36—41.

Seneca's thoughts about courage

S.S. Demina

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia. ist-drev@yandex.ru

The question about courage is not central in Seneca's works. This Roman author touches it thinking about fear and anger. Seneca gives three definitions of courage (*fortitudo*). He reveals its essence as a virtue (*virtus*) and its importance for a person. According to Seneca, the courage is not identical with the absolute fearlessness and the reckless acts, but it bases on a rational caution. The fear causes usually an escape from the dangers. Sometimes fear and anger can a little inspire, but they can not cause the virtue, that is courageous acts. The question about utility of anger for courage on the battlefield is very important for Seneca. According to the peripatetics, the anger reinforces the courage in the battle. Seneca does not agree to this opinion categorically. He adduces several arguments in order to confirm his point of view. According to Seneca, the courage not only brings victory on the battlefield but it provides a man of courage with the respect of society as well as an inward freedom, self-esteem and happiness.

Keywords: *Ancient Rome, Seneca, courage (fortitudo), fear, anger.*

References

1. Vasil'ev A.V. Modeli povedeniya rimskogo polkovodtsa na pole boya v respublikanskuyu epokhu: sootnoshenie lichnogo vybora i kollektivnykh ozhidaniy [Patterns of Behavior of Roman General on the Battlefield in the Republican Epoch: The Correlation of Personal Choice and Collective Expectations] // *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world], 2018, iss. 18.2, pp. 28—40. (In Russ.).
2. Demina S.S. Predstavleniya Tsitserona o khrabrosti [Cicero's thoughts about Courage]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke* [Humanities in the XXI Century]. Moscow, Sputnik+, 2014. Pp. 31—34. (In Russ.).
3. Demina S.S. Gnev i politiko-pravovaya zhizn' rimskogo obshchestva v predstavleniyakh Tsitserona [Anger and Political and Legal Life of Roman Society in Cicero's Thoughts]. *Istoricheskaya psikhologiya gosudarstvennogo upravleniya* [Historical Psychology of Public Administration]. Saratov, TSPEI SNTS RAN, Amirit, 2015. Pp. 14—20. (In Russ.).
4. Makhlayuk A.V. *Armiya Rimskoi imperii. Ocherki traditsiy i mental'nosti* [The Army of the Roman Empire. Essays on Traditions and Mentality]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 2000. 235 p. (In Russ.).
5. Makhlayuk A.V. Rimskiy polkovodets v boyu: obrazy, diskursy i pragmatika voennogo liderstva (II) [Roman General in Battle: Images, Discourses and Pragmatics of Military Leadership (II)]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2013, no. 4 (3), pp. 27—38. (In Russ.).
6. Telepen S.V. Polkovodets i ego voisko: voennoe liderstvo v Drevnem Rime (pozdnaya Respublika — rannaya Imperiya) [The Commander and its Army: Military Leadership in Ancient Rome (Late Republic — Early Empire)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo Universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities], 2011, no. 9, pp. 12—17. (In Russ.).

7. Coulston J. Courage and Cowardice in the Roman Imperial Army. *War in History*, 2013, vol. 20, no. 1. P. 7—31.
8. Inwood B. The Will in Seneca the Younger. *Classical Philology*, 2000, vol. 95, no. 1, pp. 44—60.
9. Motto A.L., Clark J.R. Seneca on the *vir ingratus*. *Acta Classica*, 1994, vol. 37, pp. 41—48.
10. Pajón Leyra I. Irracionalidad, barbarie y violencia en el *De ira* de Séneca: una lectura política. *Anales del Seminario de Historia de la Filosofía*, 2018, no. 35 (1), pp. 11—25. (in Spanish)
11. Van Hoof L. Strategic Differences: Seneca and Plutarch on Controlling Anger. *Mnemosyne. Fourth Series*, 2007, vol. 60, fasc. 1, pp. 59—86.
12. Wallace-Hadrill A. The Emperor and His Virtues. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1981, bd. 30, h. 3, s. 298—323. (In Germ.).